

АРТУР КАРТЕР

ЛУННЫЕ
ВРАТА

18+

Артур Картер
Лунные врата

«Автор»

2026

Картер А.

Лунные врата / А. Картер — «Автор», 2026

Что происходит, когда любопытство оказывается сильнее страха? Иногда всё начинается с одного случайного решения или взгляда не в ту сторону. Можно найти вещь, которой не должно существовать, или зайти в старый дом, который не захочет вас отпускать. Века сменяют друг друга, меняются лица и судьбы, но человеческое любопытство остаётся прежним — именно оно снова и снова открывает двери, которые должны были оставаться закрытыми.

«Лунные врата» — сборник атмосферных историй, после которых начинаешь сомневаться, что привычный мир заканчивается там, где способен видеть человек.

© Картер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
За ширмой	6
Лунные ворота	9
Дом с привидениями	12
Картина	17
Звёздная ночь	19
Пробуждённая	21
Сёстры	28
Случай на кладбище	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лунные врата

Глава

Что происходит, когда любопытство оказывается сильнее страха?

Иногда всё начинается с одного случайного решения или взгляда не в ту сторону. Можно найти вещь, которой не должно существовать, или зайти в старый дом, который не захочет вас отпускать.

Века сменяют друг друга, меняются лица и судьбы, но человеческое любопытство остаётся прежним — именно оно снова и снова открывает двери, которые должны были оставаться закрытыми.

«Лунные врата» — сборник атмосферных историй, после которых начинаешь сомневаться, что привычный мир заканчивается там, где способен видеть человек.

Оглавление

За ширмой
Лунные врата
Дом с привидениями
Картина
Звёздная ночь
Пробуждённая
Сёстры
Случай на кладбище
Чумной остров
Дерево
Смотритель
Виноват
Дух Леса
Заброшка
Экспедиция
Планета без воли
В темноте
Култ крови
Скульптор
Бродячий цирк
Последний розыгрыш

За ширмой

Этот случай поверг в шок всю больницу и весь её персонал, а санитаря, дежурившего в морге в ту ночь, и вовсе довёл до безумия.

Всё случилось на прошлой неделе. В среду ночью санитар учуял в морге запах спирта. Это был даже не просто запах спирта, а самый настоящий перегар, ведь для больницы запах спирта — не редкость. Учувя зловоние, санитар начал искать его источник. Бродя по моргу, он обнаружил пустую бутылку из-под спирта, которой не досчитались на посту днём. Он не мог понять, что к чему, потому что мертвецам спирт без надобности.

Обнюхивая каждый угол морга в ту тихую ночь, он по запаху подобрался к каталке, стоявшей за ширмой в самом дальнем углу. Санитар насторожился, увидев тело, накрытое простыней, ведь все тела на ночь были помещены в холодильники. На каталке висел ярлык с именем «Сэм Лейк» и данными о покойном — это было тело человека, которого в тот день готовили к вскрытию, назначенному на четверг. От тела под простыней страшно разило перегаром — не было сомнений, что запах исходит именно отсюда.

Санитар с опаской отдернул простыню с лица — и раздался страшный вопль, больше похожий на медвежий рык, который я слышал из своего кабинета. Когда я вышел, чтобы узнать, что это за шум, и направился в сторону звука, через несколько секунд раздался ещё один крик и грохот: это вопила медсестра, поражённая увиденным и выронившая с перепугу поднос с медицинскими инструментами.

Услышав крик молодой медсестры-практикантки, я побежал туда, но из-за угла на меня вылетел большой, неопрятный, бородатый мужчина и сбил с ног. В полумраке коридора я почти не разглядел его — видел лишь, как он шатался из стороны в сторону, снося всё на своём пути. Я хорошо запомнил это ужасное зловоние, которое витало в коридоре до самого утра; временами мне казалось, что я чувствую его и в течение всего дня.

Я хотел броситься за ним, но, вскочив с пола, сперва побежал к медсестре, чтобы убедиться, всё ли с ней в порядке. Завидев меня, она бросилась ко мне. От шока она не могла говорить связно — лишь произносила обрывки фраз. Я понял только то, что нечто выбежало из морга и сильно её напугало.

Я проводил её обратно к посту, усадил на кушетку и велел постараться прийти в себя. В этот момент к нам прибежал запыхавшийся старик — ночной сторож. Он сообщил, что только что какой-то вонючий, полуголый мужчина выбежал на улицу, снеся входную дверь, и бросился наутёк. Догнать беглеца уже не было шансов. Я отправил сторожа на пост и пообещал вскоре подойти к нему.

Сторож ушёл, медсестра постепенно приходила в себя, а я отправился в морг. На полу рядом с опрокинутой каталкой лежал санитар без сознания. Я усадил его к стене и привёл в чувство нашатырём. Сначала он не понимал, что происходит, но, опомнившись, завопил: «Нежить... оживший труп... демон...» Я успокоил его и попросил рассказать, что произошло. Он описал всё точь-в-точь так, как я изложил выше. Судя по всему, санитар сильно ударился головой о кафельный пол и пережил серьёзное потрясение. Ему просто нужно было время прийти в себя.

Было уже далеко за полночь, возвращаться домой не имело смысла. Я подошёл к выходу из крыла, где находился морг. Ночной сторож чинил хлипкую входную дверь. Он уже успел повесить на петли одну створку, и я помог ему закрепить замок. Разгром после происшествия был сущим пустяком — главной проблемой оставался «оживший труп».

Когда дверь была починена, я вышел во двор больницы и прошёл по следу зловония. Я также обнаружил отпечатки босых ног, явно принадлежавшие взрослому мужчине. Следы вели

к забору: по-видимому, беглец перемахнул через него и скрылся, потому что по ту сторону начиналась мощёная дорожка.

После осмотра двора я отправился в кабинет, чтобы немного поспать и уже утром разбираться с этим делом. Перед этим я зашёл к медсестре: она уложила санитару в сестринской и дала ему успокоительное. Он уже спал. Она попросила меня запереть морг на ключ, так как сама боялась подходить к дверям.

Вернувшись в кабинет, я лёг на кушетку и стал размышлять о случившемся. Я — скептик и человек науки — не мог поверить в ходячего мертвеца. С этими мыслями я и заснул.

Проснулся я рано утром. Ночная смена уже разошлась, и я собрал работников морга, готовивших тело Сэма Лейка к вскрытию. Они передали мне документы с датами и временем всех действий и пересказали события предыдущего дня.

Накануне на тело нанесли разметку и поместили его в холодильник — вскрытие должно было состояться сегодня. Однако санитар обнаружил «нечто» на каталке за ширмой. К тому же тело не обрабатывали, и было непонятно, откуда взялось столь сильное зловоние. Если рассуждать логически, выходило следующее: Сэм Лейк ожил, выбрался из холодильника, стащил бутылку спирта, напился, уснул, а затем, проснувшись, набросился на санитару и сбежал. Абсурд. Должно было существовать рациональное объяснение, но у меня не было ни улики, ни зацепок.

К вечеру у меня адски болела голова. Я разрывался между пациентами, управлением больницей и этим делом. К тому же разболелась спина — несколько ночей я спал на кушетке в кабинете. Помощница заметила моё состояние и настояла, чтобы я отправился домой отдохнуть. Я поручил ей немедленно прислать за мной, если ночью что-то случится.

Ночь прошла спокойно. Придя домой, я очень быстро уснул и отлично выспался, но спина по-прежнему болела. Проснувшись, я быстро собрался и поспешил в больницу, позабыв о завтраке и привычных утренних ритуалах. В больнице всё было спокойно: за ночь не произошло никаких происшествий, новых пациентов не поступало. Это приподняло мне настроение — я мог спокойно изучить место происшествия и всё обдумать.

Придя в крыло, где находился морг, я застал уходившую с дежурства медсестру — свидетельницу тех странных событий. На ней буквально не было лица: происшествие сильно её потрясло. Я также поинтересовался состоянием санитару — к счастью, с ним всё было в порядке: он лежал в палате с лёгким сотрясением и шёл на поправку.

Вновь осмотрев морг в надежде найти хоть какую-нибудь улику, я ничего не обнаружил, кроме приторно-сладковатого запаха — запаха мертвечины, который трудно с чем-либо спутать. После недолгих поисков я вернулся к работе, а вечером, разобравшись с делами, вновь предался размышлениям в своём кабинете. Несколько часов я пытался сложить все кусочки произошедшего воедино, но так и не пришёл к разумному выводу. Время поджимало: никто не мог знать, как и когда проявит себя сбежавшее тело и когда к нам нагрянет полиция. Что тогда будет с больницей? Этот вопрос крутился у меня в голове целый день. И ещё этот запах — его не должно было быть, ведь все трупы хранятся в холодильниках.

Тем вечером я уже начал допускать мысль, что Сэм Лейк действительно восстал из мёртвых. Но мои размышления прервала помощница, которая с грохотом ворвалась в кабинет. Она сообщила о находке в подвале бывшей прачечной. Там лежало подванивающее тело, обнаруженное сторожем во время вечернего обхода по запаху. Это было тело Сэма Лейка!

Помощница позвала санитаров, чтобы они отнесли его обратно в морг для обработки. Как же я был рад, что тело нашлось — это означало, что серьёзных проблем удастся избежать. Но что же тогда вырвалось из морга, покалечив санитару и напугав медсестру?

Разобравшись с телом, мы с помощницей разошлись по домам. По пути я зашёл в паб, чтобы немного выпить и развеяться. Я сидел у барной стойки с бокалом бурбона, когда внутрь ввалился грязный пьяный бродяга. Бармен не стал церемониться: ударил его в живот, схватил

за воротник и вышвырнул на улицу. Вылетая за дверь, бродяга издал рык — точь-в-точь такой же, какой я услышал в морге той самой ночью.

Я выбежал следом и увидел, как он пытается подняться. Схватив его за воротник, я прижал его к стене и сказал, что знаю: это он был в морге. Перепуганный, он признался. С трудом ворочая языком, он рассказал, что тогда произошло.

Днём он пробрался в больницу, чтобы переночевать в тепле. Потом желание выпить взяло над ним верх, и он украл в сестринской бутылку спирта. Услышав разговор врачей о том, что в морге до завтра никого не будет, он решил спрятаться там. Он открыл холодильник, выкатил каталку с телом Сэма Лейка, сбросил тело, а сам устроился за ширмой. Напился и уснул. Когда санитар его разбудил, он в панике бросился бежать, перепугал медсестру, сбил меня с ног, выбил дверь и перелез через забор.

Тело же он затолкал в старый бельевой лифт и сбросил в помещение бывшей прачечной — давно закрытый подвал.

Я передал бродягу проходившим полицейским и помчался в больницу. Я рассказал медсестре и санитару правду и заверил их, что оживших мертвецов не существует.

А затем наконец отправился домой — выспаться, чтобы утром вернуться к своей работе и лечить живых людей.

Лунные врата

На чердаке фамильного имения я нашёл записи своего деда, который умер пятнадцать лет назад в доме для душевнобольных. При жизни он был одержим тайнами и загробными мирами. Он не был суеверным, но искренне верил в то, что загробный мир существует и что он не где-то на небесах или под землёй, а совсем близко — среди нас, но незримый, по ту сторону зеркала, за собственным отражением.

К этой теории он пришёл ещё в юности, когда учился в университете, — тогда, когда впервые познакомился с запретной литературой.

Мой дед понимал, что живым там не место, но был одержим желанием попасть туда. Он искренне верил, что туда можно проникнуть, не умирая; верил, что где-то существует дверь в то самое измерение или нечто похожее на проход, через который можно войти и выйти.

Однажды он всё-таки нашёл способ попасть туда. Но мой старик не знал, сработает ли метод из древних легенд, ведь ещё не было ни одного живого, кто смог бы попасть в мир мёртвых, не умерев, да ещё и вернуться назад, чтобы рассказать об этом.

Способ проникновения был описан в древних языческих писаниях, которых накопилось у старика немало за всю его жизнь. Все они были написаны на давно забытых языках, и он сам сделал переводы большинства из них. Некоторые из этих переводов я даже прочитал после смерти дедушки.

Суть перемещения заключалась в том, что действительно существуют врата, которые можно открыть в определённый час, выполнив особые ритуалы. В книгах было написано:

«Раз в семнадцать лет происходит особое полнолуние: в ясную ночь Луна соприкоснётся с водной гладью — и откроется другой мир, скрытый от глаз, но тот, что всегда среди нас».

Именно так было написано и подчёркнуто карандашом в переводе деда. Ниже находился и другой, обведённый фрагмент — на неизвестном мне языке, том самом, на котором были написаны некоторые из древних книг. По виду это были стихи, но рядом имелась карандашная пометка:

«Заклинание. **ОЧЕНЬ ВАЖНО!**»

Старик дождался того самого полнолуния, которое бывает раз в семнадцать лет. Ночью, незадолго до полуночи, дед отправился к озеру, взял лодку и поплыл к центру, где в воде отражалась полная Луна.

Доплыв, он с нетерпением следил за тем, как бегут стрелки его карманных часов. И как только они пробили полночь, старик встал и начал читать заклинание из древних запретных текстов.

Когда он произнёс последнее слово, по всему озеру побежала вибрация — словно кто-то ударил по стенке жестяного ведра с водой. Лодку вмиг перевернуло, и он оказался по ту сторону — по ту сторону врат, разделяющих мир живых и мир духов.

Это был тот самый мир, который он так долго искал. Он понял это сразу же, как только пришёл в себя после падения в воду. Старик взобрался на перевёрнутую лодку и, оглядевшись, заметил на берегу причал, которого раньше не было. В последний раз он видел его ещё в детстве, и теперь на нём, сквозь туман, виднелся мерцающий силуэт.

Он поплыл к берегу, прямо к загадочной фигуре. Подплыв почти вплотную, старик смог её разглядеть: это был мужчина, сидевший на причале с удочкой. Он был полупрозрачным; от него исходило слабое голубоватое свечение. Старик никогда не видел его прежде. Он застыл в ужасе — это был настоящий дух. Немного помешкав, старик продолжил грести к берегу, решив, что дух безобиден, поскольку тот никак не реагировал на него.

Старик вытащил лодку на берег и поднялся на причал, чтобы поближе рассмотреть сияющую в ночи фигуру. Он с опаской окликнул его, но тот никак не отреагировал: дух сидел на табурете, глядя опустошённым взглядом на поплавок. Рассмотрев его, дед отправился в город.

Дорога от озера ничем не отличалась от той, по которой он шёл туда около часа назад. Всё казалось таким же, как и в мире живых, если не считать причала, давно исчезнувшего с озера, густого тумана и разреженного воздуха. По пути к городку ему встретилась пара незнакомых духов, которые отчуждённо брели навстречу. Проходя мимо него, словно в трансе, они даже не взглянули на него, однако у старика всё равно по всему телу пробежали мурашки.

Когда же путешественник дошёл до города, он был поражён увиденным. Привидения были повсюду: дети, качающиеся на качелях, души, слоняющиеся туда-сюда, призраки, занятые, по-видимому, любимыми при жизни делами. Они не обращали на старика никакого внимания. От увиденного у него невероятно сильно забилось сердце и проступил холодный пот. Невозможно представить, что он ощутил, оказавшись в том месте — окутанном мраком, густым туманом и мёртвой тишиной, где вокруг бродили духи давно умерших людей с пустым, леденящим кровь взглядом.

Изучая улицы своего родного города в этом измерении, которое структурно почти ничем не отличалось от города в мире живых, он дошёл до той улицы, где стоит его дом. Это подбодрило его, ведь голова у него шла кругом от увиденного. Он не мог поверить, что ему всё-таки удалось попасть в мир духов.

На своей улице он увидел соседа, расставшегося с жизнью всего несколько недель назад. Тот бился головой о дверь своего дома с таким звуком, будто молотком били по наковальне. Мой старик сперва окликнул его, а затем подошёл и попытался оттолкнуть от двери, желая помочь, ведь при жизни это был его хороший друг. Но рука его прошла сквозь призрака и вмиг замёрзла, будто он продержал её в снегу. Призрак перестал биться в дверь и уставился прямо перед собой. Заволновавшись, старик поспешил удалиться оттуда и как можно скорее зайти в свой дом.

Добежав до дома, он остановился перевести дыхание на переднем дворе и, случайно бросив взгляд на дом напротив, заметил призрака, сидевшего на стуле на веранде соседского дома. Тот пристально смотрел на него, словно прожигая взглядом. Старика вновь пробрал холод, а сердце забилось быстрее.

Войдя в дом, он не заметил ничего необычного: всё было как прежде. Жаль лишь, что было темно — единственным источником света оставалась луна. В доме никого не было, и стояла тишина — настолько глубокая, что в ушах начинал звенеть воздух. Он обошёл весь дом, не обнаружив ничего примечательного. Лишь когда он зашёл в свою спальню на втором этаже, то так удивился, что вздрогнул, после чего его слегка зашатало, и он невольно присел на кровать.

В зеркале, стоявшем на тумбе напротив кровати, он увидел в отражении свою спящую жену. Ему стало не по себе от мысли, что призраки наблюдают за людьми через зеркала, хотя он и знал об этом. Ведь зеркало, по легендам, является порталом из мира мёртвых в мир живых — подобно лунным вратам.

Старик углубился в свои мысли, но его быстро вернул в реальность громкий звон колокола, прорезавший тишину. Звук был таким сильным, что зеркало вмиг покрылось трещинами. Это было поразительно: в городе никогда не было ни одной церкви или храма с колокольной. Старик подскочил, зажал уши руками и побежал на улицу.

Выбежав, он увидел на переднем дворе своего дома фигуру в капюшоне. Она резко отличалась от остальных: не была полупрозрачной, хотя, как и все, слабо сияла блеклым голубоватым светом.

Как только старик вырвался из дома, звон прекратился. А загадочная худощавая фигура в капюшоне двинулась прямо к нему. Почувствовав неладное, старик рванул со всех ног, думая

лишь о том, как бы поскорее добраться до озера. Он бежал и вспоминал о том, что читал в старинных языческих текстах о стражах загробного мира, которые стоят на страже баланса между живыми и мёртвыми. Он понимал: если это существо доберётся до него, участь его будет, мягко говоря, незавидной, ведь никто не осмелился написать о том, что они делают с нарушителями.

Он бежал долго, не жалея сил, попутно молясь всем богам, о которых только мог вспомнить. Он пробежал весь город, который опустел после звона колокола: не было ни одной бродящей души. В тот момент беглец пожалел о том, что нашёл проход в этот мир, и проклинал тот день, когда впервые прочёл запретный текст.

Почти добежав до озера, он остановился, чтобы перевести дух, решив, что давно оторвался от преследователя. Но, не успев отдышаться, услышал яростный вопль, не похожий ни на что из того, что ему доводилось слышать: это была смесь рычания разъярённого медведя и плача младенца. Затем из-за поворота показалась та самая высокая, худошавая фигура, слабо сияющая синим светом, в рваном балахоне с капюшоном, за которой, по пятам, следовал туман. От одного взгляда на это существо перехватывало дыхание.

Старик вновь побежал, понимая, что вот-вот свалится с ног и попадётся в руки стража. На последнем издыхании он добежал до лодки и резким толчком столкнул её с берега. В этот момент за плечо его схватила костяная рука преследователя — ледяная, как снег. Старик вырвался, прыгнул в лодку и стал грести к отражению луны, стараясь как можно скорее выбраться из этого места.

Он грёб и смотрел на преследователя, лица которого не мог разглядеть из-за капюшона. Видна была лишь мерзкая, злобная улыбка.

Добравшись до отражения Луны, старик прочёл заклинание и смог вернуться домой.

Вернувшись в свой мир, он прибежал домой и записал на бумаге всё, что с ним произошло. В течение нескольких недель он на глазах сходил с ума: стал параноиком, почти не спал, а вскоре окончательно потерял рассудок — лишь бредил, выкрикивая непонятные фразы и слова. Родные отправили его в клинику для душевнобольных, где спустя некоторое время он и скончался.

Я бы решил, что все записи моего деда — результат его безумия, но, дочитав их до конца, я уже не уверен, что это всего лишь бред. Я отчётливо помню след чьей-то пятерни на его плече, который увидел в день похорон. И ещё то зеркало из его спальни, покрытое трещинами... Бабушка клялась, что не знает, откуда они взялись.

Я сжёг все записи, оставленные дедушкой, и все оккультные книги. Я уничтожил всё это не потому, что боялся, будто кто-то, прочитав записи, убедится в безумии моего покойного деда, а для того, чтобы никто больше не стал искать лунные врата.

Только вот старое зеркало я не решился выбросить, есть в нём что-то очаровательное.

Дом с привидениями

Пока я был проездом в Роктоне, я познакомился с людьми из городской управы. Одним из них был Фрэнк — городской управляющий, занимавшийся продажей домов и земель. Пожилой мужчина, статный и интеллигентный, с прямой спиной и седой бородой. Если бы не седина и трость, со спины его можно было бы принять за молодого человека.

Из любопытства я расспросил его о делах города, когда мне довелось с ним пообщаться. Это была редкость: он был очень занятым человеком. Но однажды, после приёма в городской ратуше, мне удалось с ним поболтать. Он был вежлив и с радостью беседовал со мной — человек он был дружелюбный и открытый. Он рассказывал о домах на продажу, о пустующих землях рядом с городом, готовых к застройке. Также он говорил о приезжих, желающих поселиться здесь, расхваливал здешние виды — и они в самом деле были впечатляющими.

Мы долго разговаривали в тот вечер — обо всём: не только о его работе, но и о жизни. Он спрашивал меня, чем я занимаюсь и какими судьбами оказался в Роктоне. Я сказал, что я писатель и путешествую по миру, чтобы набраться впечатлений, найти интересные истории и познакомиться с необычными людьми. Когда я признался, что меня особенно привлекают странные и загадочные случаи, он поведал одну историю — ту самую, что заставила меня задержаться в этом городе.

Фрэнк рассказал о давно заброшенном доме, в котором якобы живут призраки. Сам он в это не верил, да и дом никому не мешал, поэтому с ним ничего не делали — просто обходили стороной. Путешествуя, я встречал множество подобных мест: старые заброшенные дома, окутанные мрачными легендами, старинные кладбища, где по ночам якобы восстаёт нежить, покинутые деревни и сёла, откуда исчезли все жители, а также истории о привидениях, проклятиях и прочих суевериях. Но ничто из того, что я видел, так и не подтвердилось.

Фрэнк порекомендовал мне расспросить в городе о доме и уверял, что каждый житель расскажет множество баек о нём. Я был заинтригован. Мне хотелось прямо в ту же ночь отправиться туда, но я был чересчур пьян — мы с Фрэнком засиделись допоздна — и потому отправился в отель. Добравшись до номера, я сразу уснул.

Утром я отправился гулять по городу, попутно расспрашивая людей о пугающем всех доме: на рынке, в лавках и ресторанах. Все, с кем мне удалось поговорить, утверждали, что в доме живёт некое зло и что местные обходят его стороной уже лет пятьдесят. При этом сам дом стоит на этом месте около двухсот лет. О самом доме я узнал немного — в основном говорили о живущих там призраках. Кто-то видел горящий свет в окнах, кто-то слышал смех, доносившийся изнутри. Вспоминали и тех, кто бывал внутри много лет назад: одни бесследно пропадали, другие сходили с ума.

Мне также рассказали об одном бродяге, который решил переночевать там около тридцати лет назад. Он вошёл в дом при свете дня, а ночью едва унёс ноги. Его крик был слышен на всю округу — говорили, он вопил так, что у слушавших бежали мурашки по коже.

За день я наслушался множества рассказов. Всё это казалось мне старыми байками, тем более что в самом доме уже десятки лет никто не жил. Однако истории, услышанные от разных людей, почти не противоречили друг другу.

На следующий день я должен был уезжать, но решил остаться в городе на неопределённый срок: мне хотелось посетить этот дом и увидеть собственными глазами хоть что-то необычное. Днём я отправился к старинному особняку.

Ворота на территорию были закованы в цепь. Я обошёл каменный забор и с задней стороны участка обнаружил проём в стене. Он был скрыт растительностью, но её легко можно было раздвинуть руками, словно зелёный занавес. Я встал на четвереньки и пролез через дыру.

Пробравшись внутрь, оказался на заднем дворе: передо мной возвышался задний фасад старого, рассыпающегося здания и небольшой одичавший сад.

Сад давно зарос, но кое-где упрямо пробивалась зелень. Стены от фундамента до самой крыши были оплетены виноградной лозой. Это меня удивило: вряд ли кто-то, высаживая здесь виноград, рассчитывал собирать урожай — климат в этих местах для него был неподходящим.

Я подошёл к двери, ведущей на террасу, но она не поддавалась. Обойдя дом по кругу, я не нашёл ни одного приоткрытого окна, а главный вход, как и ожидалось, был заперт. Вламываться я не хотел — это было бы неэтично.

Осматривая участок, я заметил плохо замаскированный деревянный люк в саду, присыпанный сухой травой. Он оказался незапертым. Спустившись вниз, я попал в туннель. Видимо, его устроили для того, чтобы можно было незаметно покинуть дом. Подобные архитектурные решения мне уже встречались. Пройдя по короткому ходу, я оказался в подвале.

Подвал был завален хламом, и в полной темноте было трудно добраться до лестницы, ведущей на первый этаж. Выбравшись наверх, я оказался в коридоре. Одна дверь выходила на террасу, напротив располагался центральный вход. Я открыл террасную и парадную двери, чтобы больше не спускаться в захламлённый подвал.

Обойдя дом, я так и не увидел ничего паранормального. Он казался пустым. Однако кое-что показалось мне странным: в камине лежала тёплая зола, и, судя по всему, недавно кто-то разжигал огонь. Повсюду виднелись вековые слои пыли, но в некоторых местах она была стёрта, и на ней тянулись извилистые следы. Тогда я решил, что это крысы.

Я покинул дом, решив, что днём больше ничего не обнаружу. Но твёрдо намеревался вернуться ночью — ведь именно тогда люди замечали здесь странности. Выбравшись с участка, я отправился к Фрэнку, чтобы подробнее расспросить об истории дома. Слухи меня больше не интересовали — нужна была достоверная информация, возможно, даже архивные записи.

Фрэнк принял меня радушно, прямо у себя в кабинете. После коротких любезностей я перешёл к делу.

Он рассказал о первом владельце поместья — человеке, построившем этот дом. Тот был приезжим и поначалу не нравился местным, но всё изменилось, когда он начал вкладывать деньги в город: поддерживал лавки, жертвовал церкви, помогал бедным. Он отстроил себе дом и жил в нём с женой и сыном. После гибели родителей поместье перешло сыну, однако тот в городе не задержался — вскоре уехал, никому не сказав куда.

По словам Фрэнка, юноша чего-то сильно боялся. Возможно, на него повлияла трагическая смерть родителей: их убили ночью в бедном квартале, в переулке Отступников. Убийцу так и не нашли, хотя поиски велись долго.

При осмотре тела отца обнаружили свежий порез: на коже была татуировка, перечёркнутая лезвием ножа. Никто не знал, что она означала. При этом все его личные вещи остались при нём.

На вопросы о том, откуда он родом, как разбогател и чем занимался до приезда в город, Фрэнк ответить не смог. Было известно лишь, что он приехал уже состоятельным человеком и получал процент от предприятий, в которые вложил. Ходили слухи, будто раньше он был военным или наёмником — но это были лишь домыслы.

Его даже пригласили войти в городской совет, и он принял предложение. Однако о его прошлом так ничего и не узнали — да и не особенно стремились узнать. Для большинства были важны только его деньги. За деньги он приобрёл влияние.

Фрэнк добавил, что проектированием дома владелец занимался лично и не подпускал к этому посторонних, доверяя лишь своим людям.

После долгого разговора я откланялся и отправился в отель готовиться к ночной вылазке. По дороге, шагая по туманным улицам, я размышлял о доме и его хозяине.

Кем он был и как заработал своё состояние? Судя по всему, его убили не из-за пары монет. И что означал жест с изрезанной наколкой?

Воображение разыгралось. Я предположил, что этот человек мог состоять в тайной организации и таким образом нажил состояние. Разбогатев, он решил выйти из неё и увезти семью подальше, начать новую жизнь. Они прибыли в город, добились положения в обществе и стали уважаемыми людьми. Подобные версии легко могли лечь в основу романа.

Эти догадки подкреплял обнаруженный мной туннель: значит, хозяин опасался за свою жизнь и ожидал, что за ним рано или поздно придут. Сколько ещё тайн хранит этот дом?

Однако убийцы настигли его и жену вне стен дома. Сын, опасаясь той же участи, покинул город.

Таково было моё предварительное заключение — лишь одна из возможных версий.

Готовясь к вылазке, я решил ночью поискать другие тайные ходы. Если повезёт, мне удастся их обнаружить.

Ночью я вернулся к дому, взяв с собой только фонарь: вряд ли оружие помогло бы против призраков. Я пролез в дыру в стене, как и днём.

Дверь на террасу, которую я ранее открыл изнутри, оказалась снова запертой. Это было странно. Люк, ведущий в туннель, тоже был закрыт. Зато парадная дверь стояла открытой. Мне стало не по себе: почему всё, что я открывал, теперь заперто, а главный вход — распахнут?

Я вошёл через парадную дверь и зажёл фонарь. Повернув налево от лестницы, осторожно прошёл в обеденный зал. Подойдя к камину, я нагнулся и почувствовал тепло. Зола была ещё тёплой — словно несколько часов назад здесь горел огонь.

В этот момент из коридора донёсся хлопок — будто кто-то захлопнул дверь. Я поспешил обратно и дёрнул ручку входной двери — она оказалась заперта.

— Началось, — подумал я.

Страх овладел мной. Мне приходилось бывать в подобных местах, но такого прежде не случалось. Собравшись с духом, я прошёл через обеденный зал на кухню — там ничего необычного не оказалось.

Вдруг послышался детский плач. Где-то в доме всхлипывала девочка. Я замер, пытаюсь определить источник звука, но меня отвлек громкий удар из соседней комнаты.

Я ворвался туда через трухлявые двойные двери. Источником шума оказались распахнувшиеся ставни. Я мог бы списать это на сквозняк, но утром все окна снаружи были заколочены досками. Единственное, что меня немного успокаивало — теперь при необходимости я мог выбраться через окно.

Продолжая обходить первый этаж, я оказался в гостиной и увидел, как медленно, с жутким скрипом, открывается дверь, ведущая в коридор с лестницей.

Теперь сомнений не осталось: это не сквозняк и не игра воображения. Дом словно играл со мной, а открытое окно выглядело последним шансом к бегству.

Сердце колотилось так, будто я пробежал марафон. Я старался дышать ровно и направился в коридор.

Входная дверь по-прежнему была заперта. Передо мной оставалось два пути: подняться на второй этаж или пройти к террасе и спуститься в подвал. Я выбрал лестницу — со второго этажа было проще выбраться через окно. Спускаться в тёмный, заваленный хламом подвал мне не хотелось.

Поднимаясь по скрипящей лестнице, я снова услышал детский плач. Казалось, он доносится прямо из стен.

На втором этаже одна из дверей была закрыта — утром все они стояли открытыми. Я вошёл внутрь. Это была просторная спальня. Ночь выдалась светлой: яркая луна освещала комнату через незаколоченные окна.

Справа стояла двуспальная кровать, а в стене над ней тянулась широкая трещина, в которую падал лунный свет.

Я подошёл к кровати, и вдруг за спиной раздался скрип — дверь медленно закрывалась. В коридоре что-то грохнуло. Затем последовал сильный удар, и на меня повалился шкаф. Я едва успел отпрыгнуть и выбежал в коридор — там всё стояло на своих местах.

Это походило на зловещее представление. По спине пробежал холод.

Я вернулся в спальню и, встав на кровать, заглянул в трещину. В темноте мелькнула белёсая полупрозрачная фигура, будто просочившаяся сквозь закрытую дверь в коридор.

Ужас сковал меня. Хотелось выброситься в окно и бежать.

Собравшись, я вновь услышал плач. В коридоре теперь была открыта ещё одна дверь, прежде запертая. Голова кружилась от напряжения, но я продолжал идти на звук.

Споткнувшись о скомканный ковёр, я заметил на полу свежие капли крови. Они тянулись по коридору, но у лестницы внезапно исчезли.

Я осмотрел стены. На одной виднелось пятно крови, рядом висел подсвечник — на нём тоже были красные следы. Я дёрнул его — раздался тихий щелчок.

Стена слегка сдвинулась.

Надавив сильнее, я открыл узкий проход.

Плач внутри звучал отчётливо. Я двинулся вперёд. Ход тянулся вдоль стен и постепенно спускался вниз — я понял, что нахожусь внутри полых стен дома. Вскоре я оказался в подвале.

Передо мной была защёлка — выход из тайного хода. Плач стих, но я услышал голоса.

Я вышел и замер.

Передо мной стояли дети.

Они смотрели на меня с тем же изумлением. У одного мальчика, самого младшего, был разбит нос — позже я узнал, что он споткнулся о ковёр на втором этаже, и из-за этого им пришлось уронить шкаф, чтобы отвлечь меня и успеть скрыться.

Самый старший ребёнок, мальчик Денни, который был у них главным, рассказал, что они живут в этом доме. Всё началось с сына владельца: он не уехал, а спрятался в тайной комнате. Позже к нему стали прибиваться сироты, и он приютил их. Со временем они придумали, как отпугивать незваных гостей: распускали слухи, а тех, кто заходил внутрь, пугали до ужаса.

Существовало правило: когда ребёнку исполнялось шестнадцать лет, он покидал дом, а младшие оставались.

Сейчас в доме жили шесть мальчиков и три девочки.

Они умоляли меня никому не раскрывать их тайну. Я согласился и ушёл.

Ночью я не сомкнул глаз, размышляя, как поступить. Мне не хотелось нарушать обещание, данное детям, но моё сердце обливалось кровью, от мысли оставить их в сырой комнате в подвале брошенного дома. В итоге я его нарушил.

На следующее утро я отправился к Фрэнку и рассказал обо всём. Я доверял ему и не желал детям зла — напротив, хотел помочь.

Не дожидаясь его решения, я предложил отреставрировать дом и открыть в нём сиротский приют. Я знал, что город способен это позволить, но всё же пожертвовал значительную сумму.

Фрэнк охотно согласился. Вскоре я уехал.

Спустя пять лет я вновь приехал в город и решил навестить дом.

Рядом с главным входом висела табличка: «Сиротский приют “Дом с привидениями”».

Сад восстановили, виноградные лозы сохранили, фасад отреставрировали.

Внутри я пообщался с воспитателями и встретил тех самых детей — теперь уже повзрослевших. Они помогали заботиться о младших.

Они были рады видеть меня и благодарили за настоящий дом.

И признались, что о тайных проходах по-прежнему знают только они, Фрэнк и я.

И лишь спустя пять лет они подробно рассказали мне, как были устроены ловушки и как поколения детей пугали незваных гостей. Однако они не смогли объяснить появление полупрозрачной фигуры, которую я увидел в щели над кроватью на втором этаже. Это не было частью их представления.

Картина

Мой друг Альберт был виртуозным художником. Я был его единственным другом: семьи у него не было, поэтому только я всегда слепо верил в него и поддерживал. Я был уверен, что вскоре он добьётся признания, и его полотна будут стоить немалых денег. Но однажды он исчез.

Друг мой был человеком замкнутым и нелюдимым, поэтому у него не было ни друзей, ни семьи. Я познакомился с ним, когда приехал в эти края по работе: я скупал земли для перепродажи. Мы пересеклись в лавке, где он покупал бумагу. Меня привлекло то, как внимательно он разглядывал каждый листок, и я спросил, чем он занимается. Он ответил, что художник, а затем долго смотрел на меня, изучая моё лицо. Он очень спешил и, убегая, пригласил меня к себе домой — попросил прийти, если у меня найдётся пара свободных часов.

На следующий день я отправился к нему. Дом находился на хуторе, недалеко от городка; чтобы добраться до него, нужно было пройти через поле и небольшую чащу. Места здесь были весьма живописны. Становилось понятно, почему он живёт именно тут.

Он был очень рад моему приходу, принял меня тепло, налил вина и предложил побыть моделью — хотел написать мой портрет. Он восхищался моими чертами лица. И это было понятно: местные жители хоть и не были дурны собой, но ему нужна была натура изысканная, утончённая. Я с радостью согласился.

Он писал мой портрет несколько часов. Всё это время мы разговаривали обо всём на свете и почти во всём сходились во мнениях. Мы увидели друг в друге родственные души. После этого я часто навещал его, да и он нередко заходил ко мне в городе — при любой возможности, всякий раз, когда бывал там.

Мы стали хорошими друзьями. Денег у него было немного: зарабатывал он своим ремеслом, продавая полотна приезжим. Но славы или признания он не искал — продавал картины лишь для того, чтобы обеспечить своё скромное существование. Порой он даже отказывался от весьма достойных предложений: однажды ему предложили стать художником при дворе одного дворянина, но он отказался. Для него было важно только одно — искусство, которое он создавал.

Однажды, когда я вновь пришёл к нему, он открыл мне дверь сразу после того, как закончил новую работу. Он был одновременно подавлен и восхищён; некоторое время ещё витал в своих фантазиях. Он не успел убрать картину — это было одно из тех полотен, которых я прежде не видел.

Картина поражала. Она с трудом поддавалась восприятию: это был пейзаж, но ничего подобного в этих краях я не встречал. Цвета были холодными и, казалось, не могли сочетаться между собой. И всё же полотно приковывало взгляд — от него невозможно было оторваться. Сначала я пытался понять, что изображено, ответить на вопросы, рождавшиеся в голове. Но чем дольше я смотрел, тем меньше мыслей оставалось — картина словно затягивала меня.

Из этого странного оцепенения меня вывел Альберт. Он заметил, какое действие на меня производит его работа, и, ничего не говоря, позвал жестом. Я последовал за ним. Мы поднялись на чердак, где стояло больше десятка картин, которых я никогда не видел. Я был изумлён. Ни на одном полотне не было ничего, что можно было бы однозначно определить или описать. Одни казались прекрасными, другие вызвали отвращение.

После долгого изучения скрытых от чужих глаз работ мы спустились и отправились на террасу — выпить и поговорить. Мне было безумно интересно, что всё это значит и что это за картины. Я не знал, с чего начать. К счастью, начал Альберт.

Мы сидели на террасе, любовались закатом и пили бурбон. Он рассказал, что на этих полотнах — плоды его фантазии; это мир, на который он променял бы и десять жизней. Этот мир являлся ему во снах, а картины он писал словно одержимый, в некоем трансе. Он верил,

что рано или поздно сумеет передать на холсте всё величие того мира, в котором сотни раз бывал во сне. И когда это произойдёт, он войдёт туда — словно через портал — и наконец станет счастливым.

Я восхищался его воображением и с изумлением слушал друга, хотя сам не верил в магические порталы. Но был уверен, что он добьётся своего и сумеет передать это величие. Возможно, тогда он покажет его всему миру — и люди признают его.

Шло время. Его мастерство росло, количество полотен увеличивалось. Он по-прежнему изредка продавал картины приезжим. По миру уже ходили слухи об Альберте и его виртуозных работах. Многие приезжали в эти края специально за его полотнами и платили хорошие деньги. Он же продолжал писать картины по мотивам своих фантазий — те, что пылились на чердаке.

Однажды я уговорил его организовать выставку. Он не был в этом заинтересован — его больше занимали работы с чердака, — но всё же согласился, понимая, что искусство не имеет смысла, если его не показывать. Он всегда говорил мне, что настоящее искусство — это связь творца и зрителя: важно не мастерство и не техника, а сама эта связь. А ведь долгие годы я был единственным его зрителем.

Выставка прошла в его доме. Дом был большим и пустым — идеальное место для небольшого музея. Мероприятие оказалось успешным: приехало больше сотни человек. Не было ни одного, кто не пришёл бы в изумление, созерцая картины Альберта. Сам он был в таком восторге, что не мог сдержать улыбки, но иногда я замечал на его лице выражение — будто бы он мысленно находился не здесь. Я радовался за него — знал, что это ему необходимо.

В конце выставки, поздно вечером, уже после захода солнца, мы даже провели аукцион: с лихвой окупились все вложенные мною средства. Когда гости разошлись, мы с Альбертом ещё долго разговаривали. Он был воодушевлён, да и я тоже. Мы договорились открыть в городе мастерскую для приезжих и начинающих художников, организовать выездную выставку. Затем разошлись по домам. Я, едва добравшись до постели, мгновенно уснул.

На следующий день я уезжал в соседний город по своим делам, а вернулся поздним вечером. Сразу же поспешил к Альберту, чтобы составить планы по реализации наших проектов. Я стучал в дверь, но он не открывал. Решив, что он ещё спит, я воспользовался ключом, который он давно мне дал. Обежал весь дом — его нигде не было. Поднялся на чердак — и там его не оказалось.

Но на мольберте стоял подрамник с новой картиной, которую я никогда не видел. Она была потрясающей. В отличие от прежних полотен, здесь не было хаоса форм — напротив, чувствовалась скрытая ясность. Картина мгновенно приковала мой взгляд. В ней не было ничего пугающего — только тайна.

Я смотрел на неё очень долго. И чем дольше смотрел, тем отчётливее проступали формы. Когда лунный свет, проникший через окно чердака, осветил полотно, я наконец увидел пейзаж. Цвета стали ровными, холодными, но внутри я ощущал тепло. На картине был мрачный замок с тёплым светом в окнах; его окружал густой лес, засыпанный снегом, блестящим в сиянии луны, а у ворот стояла одинокая тень. Мне показалось, что я узнал её — это был Альберт.

У него получилось.

В течение следующего месяца я оформил права на все принадлежавшие Альберту земли; для меня это было не сложно, да и претендентов на наследство не нашлось. На чердаке занавесил окна, оставил всё как есть и запер дверь. В доме развесил его работы и устроил нечто вроде музея.

Об Альберте говорили давно, но загадочное исчезновение привлекло и тех, кто прежде не имел отношения к искусству. Эти края, а особенно его дом, стали центром притяжения туристов. Вход стоил символическую сумму, посетителей было множество, и все заработанные деньги я тратил на проекты, которые мы успели придумать с Альбертом в тот вечер — перед его исчезновением.

Звёздная ночь

Сейчас я лежу на мягком стоге сена в поле и смотрю на ночное небо, усыпанное звёздами, как когда-то много лет назад. Я так же лежал тёплой летней ночью в этом самом поле, наблюдая за звёздами; всю жизнь я любил это — прохладный ночной ветерок, жужжание сверчков, прерывающее сонную тишину, и кометы, оставляющие на чёрном небе огненные порезы. Мало что может сравниться по красоте с небом, усыпанным звёздами. Каждый раз ночное небо завораживало меня, как в первый. Я лежал и размышлял о бесконечности Вселенной, о том, что вокруг каждой звезды вращаются планеты и что где-то далеко тоже есть жизнь. Возможно, они похожи на нас, а может, и нет, но просто невозможно, чтобы мы были одни.

Середина августа — лучшее время, чтобы понаблюдать за звездопадом: кометы одна за другой вспыхивают и проносятся по небу, словно художник наносит штрихи на холст. Одни были маленькими и быстро сгорали в атмосфере, успевая лишь вспыхнуть, другие же оставляли за собой длинный хвостик, быстро растворяющийся среди звёзд. И вот на ночном небе вспыхнула очередная комета, сгорающая в атмосфере Земли, но в этот раз она не разрежала чёрное полотно, усыпанное звёздами. Этот огненный шар летел прямо на меня.

Что-то упало на землю — в то самое поле, где я наблюдал за звёздами. Я тут же подскочил и побежал туда, где приземлилось небесное тело. На месте я обнаружил небольшой овраг диаметром не больше длины моей руки, с выжженной травой вокруг, глубиной около полуметра. В центре лежало то, что упало с небес.

Это была статуэтка. Она была отвратительна — я никогда не видел ничего подобного. Но в то же время она была изумительна; я долго смотрел на неё в оцепенении. Статуэтка была искусно выполнена, очевидно, виртуозным мастером, но моё воображение не могло постичь, что именно она изображает.

Я поднял её и отправился домой — не мог оставить такой артефакт в поле. Дома я почувствовал сильную усталость: видимо, был так потрясён, что потерял все силы. Их хватило лишь на то, чтобы расстелить постель и раздеться. Статуэтку же я поставил рядом с кроватью. Несмотря на то что она казалась мне отвратительной, в ней было нечто загадочное, из-за чего я не смог спрятать её в ящик: мне хотелось продолжать смотреть на неё. К тому же я решил, что она кажется мне ужасной лишь потому, что я не могу понять всего величия этого космического произведения искусства.

Моё лицо едва коснулось подушки, как я уснул. А когда открыл глаза, был в ужасе, но он быстро сменился восторгом и волнением. Я летел — с невероятной скоростью проносился через звёздные системы, пролетал мимо множества планет. В тот момент всё казалось мне мелким, даже звёзды, остававшиеся позади; вся Вселенная лежала передо мной как на ладони. Не могу сказать точно, как долго я летел, любуясь безлюдной красотой космоса, — время будто застыло.

Потом была яркая вспышка, ослепившая меня, и, наконец, я почувствовал твёрдую землю под ногами. Зрение вернулось, и я увидел новый мир, который не мог бы вообразить. Небо было не синим, как на Земле, а фиолетовым, переливающимся перламутром, чистым, без единого облака. Местное солнце находилось гораздо ближе, чем земное, а в небе виднелись три спутника. Вокруг росли невиданные деревья и кустарники; повсюду цвели цветы. Трава была зелёной и мягкой, как шерсть, аккуратно подстриженной, словно газон на переднем дворе моего дома. Вся окружающая флора словно жила собственной жизнью — растения шевелились и пульсировали. Царила тишина, прерываемая пением неведомых птиц, выводящих мелодии, ласкающие слух.

При себе я обнаружил только статуэтку, найденную в поле. Теперь она не казалась мне ужасной — напротив, я мог в полной мере разглядеть её великолепие.

Разглядывая фигурку в руках, я задумался: а не сон ли всё это? А если это не сон, то как мне вернуться домой? Застыв в раздумьях, я почувствовал, как в спину подул тёплый ветер — так, будто направлял меня. Я пошёл по ветру и выбрался из чащи. Увиденное поразило меня ещё сильнее: я оказался в ухоженном парке с мощёными тропинками и оградами, увитыми неизвестными растениями. Вдали возвышались огромные статуи, напоминающие истуканов с острова Пасхи, только здесь они стояли во весь рост. Прямо передо мной высилось огромное здание с башнями, устремлёнными к небу. Я никогда не видел подобной архитектуры: это напоминало эклектику — смешение стилей Ренессанса и готики.

Двигаясь дальше по направлению ветра — он вёл меня к храму, — я встречал существ, ходивших по тропинкам парка, которых сложно описать: мой разум не мог их до конца воспринять. Я понимал лишь одно — если бы увидел их раньше, на Земле, то умер бы от ужаса или, по меньшей мере, сошёл бы с ума. Они замечали меня и не проявляли враждебности: проходя мимо, делали странный жест, напоминающий поклон, издавали высокий жужжащий звук и шли дальше.

У входа в огромный храм стояли два существа, похожие на тех, что я видел раньше, — неподвижные, как английские часовые, — скрестив длинные топоры. Завидев меня, они сделали уже привычный мне жест и раздвинули оружие, словно ждали меня. Я зашёл внутрь.

Зал был огромен; рисунки на потолке и стенах рассказывали истории, которые я не мог осмыслить. Заворожённо разглядывая росписи, я услышал высокий писк. В конце зала стояло одно из существ — в нарядном одеянии, издававшее этот звук, словно зовущее меня. Рядом находился длинный алтарь с девятью подиумами для статуэток. Я осмотрел их: все они были похожи на ту, что я нашёл на Земле; одна напоминала повстречавшихся мне существ. Рассмотрев росписи, на которых были изображены похожие на статуэтки существа, я предположил, что это некие божества. В самом центре не хватало одной.

Существо указало мне на пустой подиум длинной конечностью, напоминающей руку. Я поставил найденную статуэтку на её законное место — не было сомнений, что она именно отсюда. Но едва я сделал это, моя рука словно прилипла к ней; фигурка больше не поддавалась. Она вмиг нагрелась, как чайник, и обожгла ладонь так сильно, что я вскрикнул, нарушив тишину. Лишь спустя мгновение я смог отдернуть руку.

Существо, наблюдавшее за мной, поклонилось и прикоснулось к моему лицу. Мои глаза поразила яркая вспышка света, заставившая меня зажмуриться, а когда я вновь открыл их, оказался в своей постели — уже утром.

Рядом не было статуэтки, и я решил, что всё это мне приснилось. Но тут же понял, что это было наяву: я вздрогнул от боли, сжав ладонь в кулак. Она была обожжена.

В будущем я много раз пытался детально описать существ, которых увидел той ночью, но у меня ничего не получалось — так же, как и нарисовать их. Я навсегда запомнил ту ночь. И даже если бы захотел забыть её, мне напомнил бы шрам, оставленный чарующей своим ужасом статуэткой.

Пробуждённая

1

Меня зовут Джо, я зарабатываю на жизнь весьма специфическим ремеслом — я вор. Но речь пойдёт не обо мне. Я расскажу о последних днях моего друга и по совместительству коллеги по цеху, если так можно выразиться. То, что произошло, может показаться стечением обстоятельств. Я и сам, честно говоря, не верю в то, что произошло, и до сих пор пытаюсь найти разумное объяснение. Но после всего случившегося я никогда не вернусь к своему ремеслу.

Ровно неделю назад я обнаружил своего друга мёртвым в его собственном доме. Его звали Стивен. Я решил навестить его, так как переживал о его душевном состоянии. Когда я пришёл, он не открывал мне дверь. Я уже подумывал уйти, но что-то вдруг остановило меня, и я решил проникнуть в его дом, благо для меня это не составляло ни малейшего труда. Я достал из рукава отмычку и вскрыл дверь.

Когда я вошёл в дом, я застал Стивена сидящим за письменным столом, лицом к окну. Подойдя ближе, я увидел его лицо. Никогда не забуду эту картину. На его лице застыло выражение, будто перед самой смертью он увидел призрака. Рот был приоткрыт, было видно, что на губах зарождается крик. Глаза были полны пустоты и отчаяния.

Осмотрев тело, я не обнаружил ни следа насильственной смерти, а за жизнь я повидал достаточно, чтобы утверждать, что он умер своей смертью. В кулаке у него были сжаты листы бумаги. Чтобы вытащить клочки бумаги из мёртвой хватки Стивена, мне пришлось постараться. Мне даже пришлось использовать ложку, чтобы отогнуть пальцы. Я взял бумаги, а затем вызвал coronera, чтобы зафиксировать смерть.

2

Позже, вернувшись домой, я прочёл записи. После прочитанного я был в ужасе. Но давайте начнём с самого начала.

Всё началось около двух недель назад, когда мы сидели со Стивеном в таверне в трущобах. Это была земля бедняков, воров и прочих отбросов общества. Даже городская стража неохотно сюда заходила. Обсуждали мы, в основном, рутину нашей специфической профессии.

Разговор зашёл об особняке, который находился на кладбище — давно заброшенном месте с очень мрачной легендой. Моему другу он очень приглянулся. Он любил лазить по старым, давно заброшенным домам, некогда принадлежавшим богачам, где почти всегда можно было найти что-нибудь ценное. Но о доме на кладбище мало кто что-то знал. Мне же доводилось слышать легенду, и я её ему поведал.

Несколько веков назад в том самом доме жил очень состоятельный человек. Он не был местным — приехал издалека. По слухам, был купцом. Однажды он оказался проездом в нашем городе, и здешние места пришлись ему по вкусу. Он купил клочок земли в лесу и отстроил там себе поместье.

У него была красавица жена, женщина средних лет, хотя на свой возраст она совсем не походила. Жили они вдвоём — детей у них не было, как и прислуги. Вели затворнический образ жизни. В люди выходил только купец, жену же его почти никто никогда не видел.

Но в те редкие случаи, когда люди видели её, она производила на них ужасное впечатление. Несмотря на то что она была красива, у неё был низкий, противный, сиплый голос. Она общалась с людьми неохотно и смотрела на каждого с нескрываемым презрением.

Спустя несколько месяцев их пребывания в лесном поместье в этом самом лесу начали пропадать люди. Через некоторое время их находили охотники. В этом же лесу их и хоронили.

Никто бы и не придавал значения этим обстоятельствам, пока не пропал один маленький сиротский мальчишка. Дети часто сбегали из-под крыши сиротского приюта — это была не редкость. Но они всегда возвращались.

Тогда многие начали переживать за мальчишку. Люди боялись, что он уже не вернётся и что рано или поздно его тело найдут в лесу.

Так и случилось.

Через несколько дней мальчика обнаружили в лесу. Его нашли сидящим под деревом — замёрзшим, трясущимся ни то от страха, ни то от холода. На лице его застыл ужас.

Ребёнка вернули в приют, там его согрели и вызвали врача. Врач не обнаружил у него физического недуга, однако подчеркнул, что мальчик пережил сильное потрясение.

Через два дня мальчик пришёл в себя, и опекуна спросила его о случившемся.

Мальчик не мог вспомнить всё, что с ним произошло, или не хотел этого вспоминать. Когда речь заходила о случившемся, слёзы сами наворачивались на его глаза. Он рассказывал свою историю обрывками.

— Этот голос... этот жуткий голос постоянно говорил: «Они не годятся... он стодится... нужна молодая кровь...». Вокруг очень темно, мне было страшно, — рассказывал мальчик. — Мерзкий голос произносил какие-то молитвы на неизвестном мне языке.

Потом, помню, мужской голос. Его помню хорошо. Голос был низким, говорил внятно, но очень взволнованно, что-то вроде: «Нет, детей нельзя... я тебе не позволю».

А затем что-то схватило меня. Потом удар по голове. То ли я сам упал, то ли меня что-то ударило, и я потерял сознание.

Очнулся я в лесу. Было очень темно, но в темноте я разглядел несколько камней. Я понял, что это то самое место, где хоронят пропавших в лесу людей, а те камни, что я вижу, — это надгробия.

Не успев опомниться, я побежал. Я ничего не видел, просто бежал, стараясь убежать как можно дальше.

Потом я проснулся здесь.

Это всё, что удалось узнать у мальчика.

Но многие в городе быстро пустили слух, что жена купца — ведьма, и именно она похищает заплутавших в лесу людей и ставит над ними эксперименты.

Вскоре после того как нашли мальчика, купец перестал выходить в люди. Народ считал, что он знает о слухах про его жену, поэтому не появляется, чтобы избежать расспросов и косых взглядов.

Через некоторое время начала появляться жена купца. Люди подмечали, что она стала выглядеть моложе: на лице разгладилась морщина, голос стал мягким и нежным.

Никто не решался узнать, что происходит за стенами их поместья и куда пропал её муж.

Вскоре всё прояснилось само собой.

Жена купца пришла к могильщику и наняла его для похорон мужа в построенном на их земле склепе. После этого за глаза её уже не стеснялись называть ведьмой.

Все в городе были убеждены в том, что она занимается чёрной магией, и многие полагали, что она ищет способ навсегда остаться молодой и жить вечно, а мужа своего она сама убила за то, что он не дал ей погубить ребёнка.

После того как ведьма схоронила своего мужа, люди перестали пропадать.

Только вот продлилось это недолго.

Как только в городе перестали бояться заходить в лес и отпускать на улицу своих детей после захода солнца, вновь пропал ребёнок — маленькая девочка из крестьянской семьи.

Отец девочки обезумел от горя и решил, что пора положить конец этому кошмару, убить ведьму, похищающую души невинных людей, и вернуть дочь домой живой.

Он собрал десяток крепких мужиков. Они вооружились тем, что было под рукой: кто топорами, кто вилами. И отправились в лес, к дому, в котором жила овдовевшая ведьма.

Мужики вломились к ней в дом.

Отец пропавшей девочки своими руками пробил ей грудь вилами.

Умирая, ведьма сиплым, низким, отвратительным голосом сказала:

— Я не умру... никогда не умру... я на века останусь молодой.

Девочку так и не нашли.

Посчитав, что ведьма не заслужила похорон, её положили на кровать в спальне и забили все окна и двери.

Вскоре после смерти ведьмы люди перестали пропадать.

А от этого дома с печальной и жуткой историей со временем разрослось городское кладбище.

И до сих пор люди в нашем маленьком городе помнят легенду о ведьме, которая искала вечной жизни.

3

Из этой истории Стивен подчеркнул для себя главное — то, что дом в старину принадлежал богатому купцу и что его так никто и не разграбил за прошедшие века. На него не произвела впечатления история, рассказанная мной. Он не боялся ни старинных легенд, ни призраков, ни ведьм. Он боялся лишь того, что удача может перестать благоволить ему.

Узнав всё, что ему было нужно, он отправился на кладбище, находившееся в лесу, в центре которого располагался печально известный дом. Я же пожелал ему удачи и остался в таверне, собираясь выпить ещё пару кружек эля.

Всё, что будет происходить дальше, я перескажу от лица моего друга. Я в точности изложу то, что он рассказал мне на следующее утро после вылазки в заброшенный дом.

Я отправился на городское кладбище в лес поздно вечером, после разговора с моим другом. Смеркалось. Когда я добрался до кладбища, было уже совсем темно, но мне на руку играла ясная погода и полнолуние. Но особняк было бы нетрудно найти даже в полной темноте — уж слишком сильно он выбивался из общего кладбищенского пейзажа.

К участку я подошёл с северной стороны, ворота же находились с южной стороны. Передо мной был высокий каменный забор, сверху из него по всему периметру торчали металлические прутья. Я не стал обходить забор по периметру. Будучи уверенным, что ворота надёжно заперты, я нащупал в каменной кладке трещины и выступы, образовавшиеся от времени, и перелез через высокую стену.

Перебравшись, я оказался на заднем дворе. Раньше здесь располагался сад, но сейчас всё было заросшим и заброшенным. Было видно, что человека здесь не было очень и очень давно.

Я обошёл большой особняк вокруг — все окна и двери были заколочены. Нужно было обдумать возможные варианты проникновения. Не хотелось пробираться грубым методом, вскрывая дверь или окно.

Обходя дом, я приметил с южной стороны балкон на втором этаже, выходящий на передний двор с видом на въездные ворота. Дверей было не видно, но мне показалось это возможным местом для входа.

Я забрался на балкон по стене, которая со временем начала напоминать лестницу, как и каменный забор.

Забравшись, я увидел заколоченные окна и двойные двери. К моему счастью, они были не заколочены. Видимо, мужики, забивавшие окна и двери в этом доме триста лет назад, побрезговали забивать двери изнутри, а если бы забили их снаружи, то не смогли бы слезть с балкона.

Вид с балкона открывался завораживающий — одновременно прекрасный и пугающий. Кровь стыла в жилах от увиденного. На некоторое время я замер, любясь видом. Я стоял и не понимал, восхищаюсь ли я или же мне до чёртиков страшно.

Вид открывался на огромное городское кладбище в чаще леса, которое освещала полная луна. Вокруг царил тишина.

Дверь оказалась заперта, но она давно уже вся прогнила — мне было достаточно дёрнуть её, и она бы отворилась. Но я опять предпочёл не шуметь и сделать всё чисто.

Без труда вскрыв замок, я открыл трухлявую дверь и оказался внутри. Это была хозяйская спальня. Стояла огромная двуспальная кровать, а над кроватью висела картина, из рамы которой было вырезано полотно.

Пробивающийся через щели заколоченных окон лунный свет лучами освещал кровать.

Я встал в ступор, увидев на кровати лежащую молодую девушку. Она была необычайно красива, но мертвецки бледна.

Взяв себя в руки, я снял перчатку и потрогал её шею. Она была ледяная, и у девушки не было пульса.

Решив, что это та самая девушка, про которую ходит легенда, я замер. Хоть я и не был суеверным и не верил в сказки про ведьм, всё же я стоял в полной растерянности и не мог отделаться от мысли:

«Почему труп девушки, убитой несколько веков назад, не разложился и она выглядела как живая?»

Я разжёг факел, который принёс с собой, чтобы разглядеть её получше. Девушка лет двадцати, нежная бархатная кожа, холодная как лёд; миловидное лицо с неглубокими скулами и тонкая девичья шея.

И ещё этот запах... кажется, лаванда. От неё очень сильно пахло лавандой.

Кто же это?

На ней не было следов убийства, в этом я был уверен. Трудно было бы не заметить колотые раны от вил.

У меня проскочила мысль: «Не уйти ли мне отсюда?» Но, решив, что мёртвой девчонкой меня не напугать, я отправился искать ценные вещи.

Осмотрев почти весь дом, мне не приглянулось ничего стоящего. Даже столового серебра почти не было, что уж говорить о деньгах.

На первом этаже, с обратной стороны лестницы, была заколоченная дверь — спуск в подвал. Я без особого труда отломал прогнившие доски.

Замок был сломан, и вскрыть его было невозможно, поэтому мне пришлось выбить дверь ударом ноги.

Спустившись, я обнаружил лабораторию. Всё было перевёрнуто вверх дном: валялись разбитые колбы и склянки, повсюду лежали рваные старинные книги, написанные на неизвестном мне языке. А воздух был тяжёлым. Пахло гнилью и сыростью, смешанными с запахом трав.

Мне было не по себе от этого места, и я очень не хотел там задерживаться. Не обнаружив ничего для себя ценного, я второпях покинул подвал, а затем поспешил обратиться из этого дома.

Поднявшись на второй этаж, в хозяйскую спальню, чтобы выйти тем же путём, которым входил, я напоследок ещё раз взглянул на девушку.

Потом вышел на балкон, закрыл дверь и, раздосадованный неудачной вылазкой, пошёл домой. А утром отправился к скупщику, чтобы продать пару столовых ложек и вилок из серебра, которые мне удалось найти.

4

Утром мы встретились со Стивеном и пошли к скупщику. Тогда он и рассказал мне о своём ночном приключении. Меня впечатлил его рассказ про лежащую в постели девушку.

Вначале я отказывался ему верить, считая, что он просто выдумывает, но он клялся, что это правда, и я сделал вид, что поверил ему. Хотя понимал, что единственное, что он и мог найти на той кровати, — это груды костей, не более.

По пути к скупщику мы проходили через городской рынок. Стив остановился. Когда я заметил это, я тоже остановился и окликнул его. Он не ответил — стоял и смотрел вдаль, сквозь толпу людей, ходящих вдоль палаток.

Я подошёл к нему и коснулся его плеча, этим касанием вернув его в реальность.

Он удивлённо сказал:

— Та девушка из дома на кладбище... я видел её. Она была на том конце рынка, у лавки с овощами.

Решив, что он просто разыгрывает меня, я усмехнулся. Однако Стивену было не до смеха. В его округлившись глазах читался страх. Тогда я действительно начал переживать за своего друга. Я никогда не видел страха на его лице.

Я попытался успокоить его, сказав, что ночная вылазка дала о себе знать. Он почти не спал этой ночью. Я сказал ему, что ему просто показалось, и мы двинулись дальше.

Стивен был очень взволнован, но согласился со мной, что он просто устал и ему всё это мерещится.

Мы закончили свои дела и ближе к вечеру разошлись. Прощаясь, я настаивал на том, чтобы он отдохнул и хорошо выспался, и постарался забыть дом на кладбище. Он согласился со мной и ушёл.

После этого разговора я больше не видел его — до того момента, как нашёл его мёртвым у него дома. Я уезжал из города по делам, меня не было четыре дня.

Дальше я расскажу то, что он написал в бумагах, зажатых в его холодных руках, о тех днях, когда он был один.

Всё хуже и хуже. Видел её на рынке — меня это жуть как напугало. Выспавшись, я чувствовал себя отлично и думал, что больше мне ничего не причудится, а девушка на рынке — всего лишь плод моих фантазий на фоне недостатка сна.

День был на редкость мрачным. Лил дождь. Небо было настолько затянуто тучами, что день было легко спутать с ночью. На улице не было ни единой души.

Мне в дверь постучали. Я еле расслышал стук из-за барабанищего по карнизам дождя. Открывая дверь, я надеялся увидеть на пороге своего друга Джо с бутылкой бурбона, но за дверью никого не было.

«Мне показалось», — подумал я и закрыл дверь.

Надо было как-то скоротать дождливый день. Я зажёл лампу и начал читать.

Я сидел на кровати и читал, когда вдруг услышал нежный женский голос. Перепугавшись, я вскочил, ведь в доме никого не было. Я обошёл всю квартиру — никого.

И вдруг я снова услышал голос. Он звал меня к столу.

На столе лежало маленькое зеркальце. Взяв его, я увидел в отражении, за своей спиной, ту самую девушку из дома на кладбище.

Я резко развернулся от ужаса и увидел её. Но не успел и звука издать, как она прикоснулась рукой к моему лицу — нежной и страшно холодной. От прикосновения у меня перехватило дыхание, а в голове зазвучал звон. Множество голосов вопили что-то, но я не мог разобрать слов.

Дальше я, должно быть, потерял сознание, потому что очнулся на полу рядом с письменным столом.

Я встал, не успев прийти в себя, и выбежал на улицу. Дождь уже практически прекратился. Вечерело.

Чуть ли не бегом я направился к доктору, решив, что со мной что-то не так и что он сможет мне помочь, даст какое-нибудь лекарство от видений, преследующих меня.

Я пришёл к знакомому доктору. Он знал, чем я занимаюсь, и я рассказал ему всё с того момента, как я залез в чёртов особняк.

Доктор осмотрел меня и выдал своё заключение:

— Нет признаков болезни. Ты под действием сильного потрясения. Нужен отдых и постельный режим. Выпей вот это успокоительное и иди домой спать. И постарайся не мешать лекарству с брагой.

Я отправился домой, выпил лекарство и лёг спать. Уснул я быстро, несмотря на волнение. Ночь прошла без происшествий, хотя сон был беспокойным.

На следующий день всё прошло спокойно. Я решил, что видения меня больше не посетят.

Весь день меня не было дома. Вернулся же я, когда уже смеркалось. Днём в городе говорили, что пропала девочка.

Боже... неужели это связано с той девушкой?

Дома я сразу лёг спать.

Сон опять был очень беспокойным. Всю ночь меня мучили кошмары. В них была та самая девушка. Она всё время куда-то шла, а я пытался догнать её. Но когда догонял, она исчезала и появлялась позади меня, а потом вновь уходила.

Раз за разом я догонял её, но в один момент, когда она оказалась у меня за спиной, она не стала от меня уходить. Она схватила меня за шею и начала душить.

Схватила меня за горло маленькими ледяными руками — стальной хваткой, как у моряка.

В ужасе открыв глаза, я увидел её. Она сидела на мне. Душила.

Я не мог пошевелиться, не мог издать ни звука. Мои глаза закатывались, и я чувствовал, как теряю силы.

И вдруг всё прекратилось.

Не было ни девушки, ни последствий удушения.

Я вскочил с кровати в панике. Пытаясь собраться с мыслями, успокаивая себя тем, что это был всего лишь сон.

Я выпил воды, оделся и решил, что нужно срочно выйти на улицу. Я понял, что больше не останусь ночью один — мне было слишком страшно. Я не мог понять, на самом ли деле всё это происходит или я схожу с ума.

Собравшись, я обнаружил, что входная дверь не поддаётся. Я не мог её открыть. Ключ не подходил к замку, а взломать его отмычкой не получилось.

Я вновь поддался панике и решил просто выбить входную дверь. Но и этого у меня не получилось. У меня совсем не было сил.

Я рванул к окну, но оно тоже не поддавалось. Ни одно окно в доме не открывалось.

Недолго думая, я схватил стул и с размаху кинул его в окно, но стекло не разбилось. Я начал бить в него кулаком, но на нём не появилось даже маленькой трещины.

Нервы сдали окончательно. Я сел на пол, прижавшись спиной к стене, боясь, что ведьма окажется за моей спиной.

В этот момент голова моя была наполнена самыми отвратительными и ужасными мыслями. Я думал, что пробудил давно убитую ведьму, что это из-за меня вновь пропал ребёнок и что она доберётся и до меня.

Господи... неужели я и вправду спятил?

Я присидел так минут десять. Стоило мне немного успокоиться и начать думать о том, как бы выбраться из дома, как я вновь услышал голос — нежный, бархатный голос. Он словно манил меня.

Из коридора вышла она.

Я оцепенел от страха.

Она медленно подошла ко мне, напевая старую песенку на странном диалекте. Подойдя, она наклонилась.

Я смотрел в её синие, как небо, глаза. Она была так красива, что я позабыл о страхе. Моя паника исчезла.

Но я был парализован и смотрел в её глаза — смотрел, будто в морскую пучину, в самую её бездну.

Она взяла меня своими ледяными руками за лицо и, улыбаясь, что-то тихо сказала, но я не смог разобрать. Диалект был мне незнаком.

Это было что-то вроде:

— Скоро.

И она исчезла.

Я вскочил и бросился к столу.

Сейчас я пишу о том, что со мной произошло. Я выпил почти залпом бутылку браги. Мне страшно.

Я чувствую — мой конец близко.

Кто бы ни прочёл эти бумаги — сожгите чёртов дом на кладбище. Уничтожьте всё, что связано с этой тварью.

Мой дорогой друг Джо, если ты увидишь эти записи — никогда не заходи в тот дом.

Вот опять этот голос. Оно снова поёт.

Она позади меня.

5

После того как я прочитал его последние записи, я отправился на кладбище. Стивена должны были похоронить в тот же день.

За его погребением я наблюдал издалека. Его закапывал старый могильщик. После того как он закончил, я подошёл к нему, чтобы спросить о доме, что находится в центре кладбища.

Он рассказал, что в тот день, когда девушку закололи вилами в её спальне, её всё-таки похоронили в склепе, построенном на заднем дворе имения. И вся эта легенда о том, что её не стали хоронить и она лежит у себя в постели, — всё это чушь.

Муж же её желал лежать в земле, а не в каменной клетке, поэтому гроб там всего один. Её хоронил прадед этого могильщика. Он даже пошутил:

— Вот такая у нас династия — династия гробовщиков.

После похорон и беседы со стариком я решил посетить этот дом. Я хотел узнать правду: что же случилось с моим другом? Его действительно замучил призрак старой ведьмы или же он просто тронулся умом? Я не мог не проверить.

Я пошёл туда на следующий день. Я был не из пугливых, но после всего прочитанного мне было не по себе. Мне очень не хотелось оказаться там ночью.

Я перелез через высокий каменный забор. Сделал я всё так же, как и Стивен: забрался на балкон. Дверь была заперта, окна забиты. Я вскрыл дверь и забрался в спальню.

На полу были старые засохшие пятна крови. На кровати тоже. Но не было ни девушки, ни её костей — вообще ничего, кроме крови.

Я обошёл весь дом, но не нашёл ничего ценного. Спустился и в подвал, в который была выбита дверь.

Вспоминая, что вчера меня убеждал старик, что девушка похоронена в склепе, я залез и туда.

Там был всего один каменный саркофаг, как и говорил старик. На нём не было таблички с именем.

Я отодвинул плиту. Гроб оказался пуст.

Сёстры

В одной маленькой деревушке когда-то жили две сестры.

Младшая сестра была чрезвычайно отталкивающей внешности: чрезмерно худая, с впалыми глазами, мертвенно-бледной кожей и непропорциональными чертами лица, вечно грязная и чумазая. У неё был отвратительный высокий голос, напоминающий скрип старых ржавых ставней. С рождения у неё были проблемы с речью — люди с трудом понимали то, что она говорит. Внешность в полной мере отражала её натуру и скверный характер.

Старшая сестра была достаточно умной и весьма красивой — полной противоположностью младшей, однако столь же уродливой душой. К тому же она была очень хитрой: управляла своей младшей сестрой, как тряпичной куклой, к которой прикреплены верёвочки. Она была воплощением коварства, скрывавшегося за милым лицом.

Родители их давно скончались от болезни, ещё когда девочки были совсем детьми. По деревушке даже ходили слухи, что это девочки отравили собственных родителей из-за того, что те часто наказывали их за проступки.

Сёстры воровали, пакостили и любили оклеветать соседей. Они могли как плюнуть в колодец, так и затоптать соседский огород или разорить клумбу на переднем дворе. Однажды мальчик с другого конца деревни увидел, как младшая из сестёр купала соседского щенка, после чего щенка больше никто не видел. Все в деревне знали друг друга и знали о сёстрах, но никто никогда открыто не выступал против них: одно лишь общение с ними вызывало отвращение, к тому же никто не хотел навлекать на себя беду, которую могли причинить вредные девушки.

Однажды ночью, во время сильной грозы, молния поразила их дом, и он вспыхнул, будто был сделан из соломы. Пламя вмиг охватило дом сестёр; вся маленькая деревушка слышала их вопли, наполненные злобой. Когда крики стихли, огонь лишь усилился: языки пламени словно злобно смеялись и метались из стороны в сторону, устремляясь к стоявшему по соседству дому.

Тот дом был самым красивым и богатым в деревне и принадлежал пожилому профессору и его жене-пианистке. Жена профессора была добрейшим человеком: она давала детям уроки игры на клавишных инструментах, часто приглашала их к себе, играла для них на пианино, угощала чаем и сладостями. Даже младшую из сестёр она всегда принимала в своём доме. Сам же профессор был приятным человеком, как и его жена: он никогда не отказывал в помощи друзьям и соседям и не жалел собственного состояния на нужды деревни.

В том пожаре дом профессора и пианистки сгорел дотла, как и дом вредных сестёр. Соседи не успели потушить огонь — всё произошло слишком быстро: никто и опомниться не успел, как пламя жадно поглотило строения. Люди успели лишь окопать участок профессора, чтобы огонь не перекинулся на другие дома.

В пожаре погибли обе сестры. Жители деревни до сих пор считают, что их настигла кара за злодеяния. Однако злоба и ненависть этих девушек оказались столь сильны, что даже умирая, они оставили после себя лишь горе, пропахшее ядовитым дымом.

Случай на кладбище

Молодой следователь Пол Робинсон стоял, сунув руки в карманы, и глядел в глубокую яму метра два глубиной. Он прикусывал щёки изнутри. Его лицо было бледным, а под глазами висели мешки.

От ямы вели глубокие отпечатки сапог на сырой от росы земле. Следы шли до мощёной дорожки, а дальше можно было отследить перемещение по грязи, которая сыпалась с обуви и одежды проходившего здесь ранее человека.

Грязь протянулась метров на шесть до поломанной оградки — чёрного заборчика чуть ниже колена. Пол провёл взглядом по всей оградке. Он заметил пластиковую бутылку на другом конце участка. Пол вошёл на участок и поднял её. Это была пластиковая бутылка из-под обычной воды объёмом 0,5 литра; этикетка была оторвана. В его нос ударил запах, напавший студенческую жизнь.

— Сэр.

Пол продолжал стоять. Ему казалось, будто во рту снова появился этот вкус.

— Э... Сэр, это смотритель.

Пол выдержал паузу.

— Пройдёмте за мной, — сказал он строгим, уверенным тоном, словно собирался устраивать допрос, а не брать показания.

Они пришли к зданию администрации у главных ворот кладбища. Это было небольшое кирпичное строение. По большей части оно служило домом для смотрителей. Они зашли внутрь и прошли в помещение, оборудованное под жилую комнату со старым диваном и небольшим столом.

— Что случилось ночью? — начал Пол.

— Такого я ещё не видел. Говорю вам как есть. Привидение. Самое настоящее привидение... — протараторил смотритель.

— Давайте по порядку.

— Да с чего начинать-то? Что рассказывать? На меня призрак напал. Я сам во всю эту чепуху никогда не верил, но после сегодняшнего...

— С самого начала, — раздражённо рявкнул следователь, а затем выдохнул и продолжил уже спокойно. — Начните с самого начала. Что произошло?

Смотритель затих, а затем, выдохнув, продолжил:

— Так. Ну, зовут меня Генри Джонсон. Работаю смотрителем на этом кладбище лет двадцать. И такого со мной никогда не происходило.

— По существу.

— Простите. Поступило вчера вечером распоряжение подготовить могилку. Ну, я и решил не откладывать, пока ещё было светло. Около полуночи, ну... может, чуть раньше, точно не скажу, я заметил свет. Яркое свечение у меня над головой, словно прожектор светит. Я выбрался из ямы, которая уже была глубже меня. Уже стемнело, горели фонари. Что там было, я даже не разглядел — яркий свет меня ослепил. Я подошёл ближе. И вдруг что-то как завопит, что-то затрещало, словно война началась. Я с перепугу побежал, а у меня перед глазами белое пятно. Ну, я и влетел в забор. Свалился, а когда пришёл в себя и ко мне вернулось зрение, так уже всё и кончилось.

— Ага, — следователь упёрся лицом в руки, сложенные домиком. — Вы выпиваете.

— Да что вы, — смотритель махнул рукой. — Восемь лет уже в завязке.

Пол не удивился. Он и не подозревал смотрителя в распитии той дряни, что была в бутылке.

— Не думайте, что мне это всё привиделось на синюю голову или что я умом тронулся, — продолжил смотритель.

— Нет. Я так не думаю. Бутылку просто нашёл рядом с заваленным забором.

— Сэр, вы что, на кладбище никогда не были? Чекушка да гранёный стакан — обычное дело. Может, вы ещё и конфетам удивляетесь?

— В бутылке бормотуха какая-то. Даже не водка.

— Ну кто на что горазд.

Пол Робинсон встал.

— Ладно, всё ясно. Я поехал.

— А призрак? — вскочил смотритель.

— Сперва бомжи в костюмах клоунов. Потом пришельцы, которые грабят бабок в подземных переходах. Теперь привидения на кладбищах, жрущие конфеты. Да у меня таких историй по три на неделе.

— Но...

— Я не охотник за привидениями.

— Приезжайте сюда ночью. И сами убедитесь, что я говорю правду.

— Счастливо.

Следователь вышел и пошёл к выходу с кладбища. Он сел в машину.

— Призраки... — он опустил голову на руль. — За что мне всё это?

Пол приехал домой, на часах было 8:40 утра. Он лёг в кровать — его глаза уже давно слипались. Дыхание постепенно выравнивалось. Звуки, доносящиеся с улицы, уже не беспокоили его.

Раздался звонок.

Пол открыл глаза. Стиснув зубы, он вслух зарычал.

— Да... Ага... Понял...

Он повесил трубку.

— Да что за дерьмо... — произнёс он на выдохе.

На ночной смене его ждала бумажная работа. Надо было готовиться к проверке из-за одного новенького, который во время патрулирования припарковался во дворе спального района и уснул. Его, как назло, сфотографировала какая-то женщина, которой не спалось, и выложила фото в интернет.

Теперь весь отдел поднимал старые дела и исправлял в них недочёты. Да чем только не приходилось заниматься.

«Чтоб я провалился. Согласен на всё, лишь бы не это...»

Он ещё какое-то время лежал на спине и глядел в потолок, тяжело дыша. Закрыв глаза.

«Точно».

Он подскочил и схватил телефон.

— Алло, я совсем забыл. Акт вандализма на кладбище. Ночью буду там. На меня не рассчитывайте.

К его лицу прилипла искренняя улыбка. Ещё один звонок.

— Это Пол Робинсон. Сегодня вечером буду у вас.

Он перевёл будильник с четырёх часов вечера на шесть и с улыбкой на лице провалился в сон.

В восемь часов вечера Пол стоял напротив входа на городское кладбище. Он смотрел на ворота выпученными глазами и мотал головой.

«Не могу поверить, что так радуюсь ночи на кладбище».

— Мистер Робинсон! — воскликнул смотритель. — Как я рад, что вы передумали.

— Ваше дело для нас в приоритете, — с иронией сказал Пол.

Но смотритель не обратил на это внимания.

— Так с чего начнём?

— Дождёмся темноты. Вы продолжайте заниматься своими делами. Нужно повторить весь вчерашний вечер.

Смотритель ушёл, а Пол прошёлся по комнате и завалился на диван.

Спустя несколько часов смотритель вернулся.

— Тишина. Я всё закончил.

— Во сколько, ты говоришь, всё произошло?

— Около двенадцати.

— Тогда ждём ещё.

Смотритель заварил чай. Он рассказывал Полу байки со своей работы. Тот даже подумать не мог, что работа смотрителя на городском кладбище может быть такой интересной. Пол даже подумал, что, когда его окончательно измотает работа в органах, он пойдёт работать на кладбище.

На часах было одиннадцать.

— Ладно, иди на обход.

— Я? — воскликнул смотритель. — Да ни за что. Да и обходы мы тут не делаем.

Пол вздохнул и нехотя поднялся из-за стола. Он схватил с вешалки свою кожаную куртку и, накидывая её, вышел из здания администрации.

Ночное кладбище, как ему показалось, выглядело очень даже симпатично. Фонари, декорированные под старинные, в духе XIX века. Памятники и небольшая церквушка. Тёмные еловые заросли, аккуратные участки. Кладбище в ночной тишине не казалось ему пугающим — отнюдь, очень даже уютным. Это было словно маленький парк на окраине города.

Гуляя по кладбищу, он понял, что давно не чувствовал себя так спокойно. Руки перестали дрожать, пропала одышка. В голову закралась мысль: чего он вообще здесь ищет? Призраков? Или, может, шпану, которая напугала старика-смотрителя? Да, впрочем, не важно.

Кладбище было не таким маленьким, как ему казалось раньше. А из-за растительности оно превращалось в подобие лабиринта. Пол уже прошёл место с пустой ямой и остановился у небольшого участка, где ещё утром была поломанная оградка. А теперь она была как новая.

«А у старика золотые руки», — подумал он.

Пока он разглядывал заборчик, который ещё пахивал краской, задул прохладный ветерок. Ему казалось, что ветер гуляет прямо по мощёным дорожкам, словно прогуливаясь так же, как и он сам.

Двинувшись дальше, Пол обратил внимание, что впереди два фонаря не горят. Он остановился под последним работающим фонарём. Пол глядел на тёмный участок, щурил глаза в попытках разглядеть там хоть что-то, но видел только следующий горящий фонарь.

Пол начал жевать щёки, включил фонарик на телефоне и продолжил путь. Он остановился между погасшими фонарями. Ветер задул сильнее. По телу пробежали мурашки. В тот момент ему даже показалось, что на дворе стоит конец октября.

Пол стоял и вглядывался в темноту. Он замер, втянув в себя правую щёку и прикусив её. Затем выключил фонарик. Сперва ему казалось, что это ему мерещится, но, когда глаза чуть привыкли к темноте, сомнений не осталось.

Тусклое фосфоресцирующее сияние в глубине кладбища.

Пол сошёл с мощёной дорожки и медленно двинулся по узенькой тропинке между участками прямо к источнику света. Свечение становилось всё ярче, а потом вдруг рассеялось.

Вокруг повисла тьма.

Пол замер.

Тут его глаза вновь уловили тусклое свечение, в этот раз чуть дальше.

Глаза Пола раскрылись так широко, что могло показаться, будто они сейчас вывалятся из глазниц. Нижняя челюсть невольно отвисла.

Свечение двигалось.

Это был не просто огонёк в темноте.

Силуэт. Человек.

Пол слотнул и, пытаясь проморгаться, выхватил из кобуры кольт.

— Остановитесь! — воскликнул он.

Засвистел ветер.

Свечение исчезло.

Пол замер в темноте, сжимая в руках пистолет. Он старался не издавать ни звука. Наконец расслабился и начал убирать оружие.

Раздался звонок.

Пол вздрогнул. Его нижняя челюсть задрожала.

Он принял вызов.

— Мистер Робинсон, скорее сюда! Возвращайтесь! — раздался голос из трубки.

— Иду, — бросил Пол, выждав мгновение.

Он вернулся к зданию администрации.

— Генри, выходи.

Смотритель выскочил наружу.

— Видали, а? Пришёл за мной. Господи... Конеч мне. Со свету сживёт ведь.

— Да успокойся ты.

— Да как тут успокоишься? Кровью дверь облили. Знак, говорю вам.

Входная дверь была вся измазана кровью. Пол подошёл к ней и провёл пальцем по стекающей жидкости.

— Это не кровь.

— Как? А что тогда?

— Да чёрт его знает, — он понюхал пальцы. — Расскажи, что случилось, пока меня не было.

— Вы ушли, а я сел разгадывать кроссворды. Минут десять, может, пятнадцать сидел спокойно. Потом в окно задул холодный ветер. Я встал, закрыл форточку. И стою, смотрю в окно — фонарь мигает. Ну ладно, подумал, бывает. Только отворачиваюсь — БАМ! — стук в окно, словно маленький камешек прилетел. Глянул в окно — никого. Вдруг в дверь что-то задолбило, прям забарабанило. Я аж весь похолодел. Звоню вам. Ещё пару минут — и всё кончилось. Я говорю вам ещё раз: если сразу не убил, значит предупреждает. Злой дух это, не иначе.

— Угу, — Пол осматривал дверь и принюхивался.

— Что же я такого сделал? — продолжал смотритель. — Чем навлек на себя призрака?

— Принюхайся, — сказал Пол. — Не думаю, что призраки пьют.

В воздухе стоял запах спирта. И какой-то сладковатый привкус. Пол сразу вспомнил его — тем же воняло из бутылки, которую он нашёл утром.

— Ну не знаю. Я раньше с таким не сталкивался. Может, если человек при жизни был пьяницей, то и после смерти от него разит?

Пол призадумался.

— А ты много знаешь о тех, кого хоронишь?

— Ну да. Хочешь не хочешь, а нахватаешься разного от родственников. То вдова расскажет, каким её муж был в молодости. То друзья умершего — о том, каким их приятель был лавеласом. Приукрашивают, конечно: о мёртвых же либо хорошо, либо никак. О, вот случай был...

— Ладно, я понял. Я спать пошёл. На рассвете пойду на обход. Хочу кое-что выяснить.

— Хорошо, диван в вашем распоряжении. А я-то, наверное, уже не усну.

Пол проснулся на рассвете. Генри спал сидя за столом, повесив голову. Взглянув на время, он понял, что поспал около четырёх часов, но чувствовал себя довольно бодро.

Он встал, а затем потянулся. Суставы один за другим прохрустели. Пол окончательно проснулся, и его передёрнуло от воспоминаний о ночных событиях.

Солнце только показалось из-за горизонта. Трава, осыпанная росой, блестела в первых лучах, а вокруг всё ещё стояла ночная тишина.

Пол прибежал на то место, где ночью увидел фосфоресцирующее сияние. Он остановился между фонарями, которые ночью не горели, и глядел в глубь кладбища.

Теперь было отлично всё видно.

Пол не чувствовал того умиротворения, которое испытал ночью, прогуливаясь по мощёным дорожкам. В утреннем свете это было всего лишь кладбище.

Он прошёл по узеньким проходам, напоминающим лабиринт, до того места, где вчера растворился силуэт. И пошёл дальше, в том направлении, где видел яркое свечение, внимательно разглядывая надгробия.

«Дэвид Харрис 1973–2026», «Сельма Стивенсон 1942–2013», «Карен Джонсон 1966–2019 и Виктор Джонсон 1963–2019».

Он дошёл до того места, где видел свечение.

Небольшой ухоженный участок. Оградка недавно выкрашена, трава вокруг подстрижена. А на самой могиле лежали два свежих тюльпана.

На камне был выгравирован портрет молодой девушки.

«Эмбер Харрис 2009–2024».

Пол стоял рядом с калиткой, не решаясь войти.

К нему тихо подошёл Генри.

— Жалко девчонку, да? — начал он. — В ДТП попала.

— А Дэвид Харрис родственник, не знаешь?

— Знаю, конечно. Отец её. Сам лежит тут недалеко, через пару участков.

— Знал его?

— Да. Хороший мужик был. Добрый. Почти каждый день приходил на могилу к дочке и тюльпаны приносил.

Он посмотрел на два свежих цветка.

Пол заметил этот взгляд.

— А сейчас кто приносит?

— Понятия не имею, — задумчиво ответил он. — Тут вот такая история. Дэвид Харрис развёлся со своей женой, когда их дочке стукнуло три года. Жена укатила в другой город, а Дэвид остался с дочкой. После того как девочка умерла, у старика совсем никого не осталось. Он приходил сюда на протяжении двух лет почти каждый день, как я уже говорил. Ну, мы болтали с ним, бывало. Потом он куда-то пропал, больше недели его не видел. Ну а потом... Потом его тут и похоронили.

— А мать девочки не навещает её?

— Так я же ещё не закончил.

— Извиняюсь. Продолжай.

— Мать девочки не участвовала в её жизни от слова совсем, как Дэвид рассказывал. Но на похоронах была. Тогда-то я и видел её в первый раз.

— В первый? — удивлённо спросил Пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.